

— Что-то глава секты слишком уж добр...

Линь Цзину всё это показалось странным в ту же секунду, как Се Уцзю предложил свою помощь.

В понимании Линь Цзина принципы Пути Бесстрастия в исполнении Се Уцзю сводились к одному: быть холодным и никогда не совать нос в чужие дела.

За годы ученичества у старейшины Громового Молота Линь Цзин не слишком часто общался с главой, но и внешность, и манеры того идеально соответствовали образу бессмертного почтенного, идущего по Пути Бесстрастия.

По идее, Се Уцзю не должен был заниматься подобными пустяками.

Этот ледяной глава внезапно стал таким заботливым, будто в него кто-то вселился...

То, что он не вышвырнул их из библиотеки ночью, уже поразило Линь Цзина, но чтобы глава проявил участие и лично вызвался проводить внешнего ученика – это было за гранью понимания.

Проводить... неужели он, как и Линь Цзин, потащит его на спине?

Линь Цзин даже представить не мог такую жуткую картину. За всё время пребывания в секте Нефритового Небосвода он подружился со многими старейшинами, но ни разу не видел, чтобы Се Уцзю с кем-то сближался.

Зная привычку Линь Цзина лезть ко всем с объятиями, старейшина Громовой Молот специально предупреждал его: держи лапы при себе перед главой, не то заморозит и глазом не моргнет.

Всё указывало на то, что Се Уцзю терпеть не мог физического контакта, а возможно, недолюбливал и самих людей.

Неужели у старейшины Громового Молота и впрямь такое срочное дело? Иначе с чего главе быть столь любезным? И если старейшина так торопит, успеет ли Линь Цзин вернуться, если сначала сам ответит Ван Кэ?

Линь Цзин стоял в нерешительности, не зная, как поступить.

Бай Сяньчэнь, чувствуя колебания друга, места себе не находил от тревоги. Он проклинал Се Уцзю за внезапное рвение и изо всех сил щипал Линь Цзина за плечо: «Уходим! Мне не нужно, чтобы он меня провожал!»

Линь Цзин тут же очнулся от щипка. Вздвогнув, он всё же решил довести Ван Кэ сам – в конце концов, даже он побаивался оставаться с главой наедине, что уж говорить о бедняге Ван Кэ.

Но не успел он вымолвить и слова возражения, как Се Уцзю протянул руку, обхватил Бай Сяньчэня за талию и легким, но властным движением снял его со спины Линь Цзина.

Ноги Бай Сяньчэня не слушались, он пытался оттолкнуться руками, но тщетно. Линь Цзин не посмел перетягивать друга у главы; его хватка ослабла, ноша стала невесомой, и Бай Сяньчэнь оказался в ледяных объятиях.

Линь Цзин обернулся и снова вздрогнул.

— Не на спине... а на руках?

Что это за маневры такие?

Как странно!

Линь Цзин почувствовал неладное. Когда Се Уцзю уже собрался уходить с ношей на руках, Линь Цзин инстинктивно ухватился за край одежды Бай Сяньчэня, вынуждая обоих остановиться:

— Э-э... постойте! Вы... вы точно глава секты? Простите уж, сейчас Великая церемония, кругом полно всякого сброда, я не могу так просто отдать человека. Давайте лучше я его донесу?

Бай Сяньчэнь не ожидал, что Линь Цзин решится их остановить, и преисполнился такой благодарности, что готов был тут же побрататься с ним навек.

Линь Цзин хлопнул в ладоши и неловко раскрыл объятия, показывая, что готов забрать Бай Сяньчэня обратно.

Се Уцзю, видимо, тоже не ожидал подобных сомнений. Он проигнорировал тянущиеся к нему лапы Линь Цзина и просто отступил на шаг, когда Бай Сяньчэнь попытался было потянуться навстречу другу.

Бай Сяньчэнь схватил воздух и с размаху снова ткнулся в грудь Се Уцзю.

От холода у него даже голова разболелась.

Эта боль послужила ему отрезвляющим напоминанием.

Бай Сяньчэнь перестал посылать Линь Цзину отчаянные сигналы «спаси-помоги». Он махнул рукой, показывая другу, чтобы тот шел по своим делам.

Линь Цзин набрался храбрости, еще раз внимательно взгляделся в лицо Се Уцзю и окончательно убедился: только истинный глава секты способен превращать воздух вокруг себя в лед. Подвоха быть не могло. Линь Цзин виновато отступил, назвал точный адрес домика Ван Кэ и освободил дорогу.

Весь путь Се Уцзю хранил молчание, а Бай Сяньчэнь просто закрыл глаза, притворившись спящим.

Ночь была глубокой, прохожих не встретилось. Се Уцзю уложил его на постель и сразу ушел, будто и впрямь просто помог Линь Цзину по пути к Старцу Ста Трав.

Однако сам он, похоже, не осознавал, что его репутация в секте Нефритового Небосвода была однозначной: он слыл человеком, который никогда не станет заниматься подобными услугами «по пути».

Только после его ухода Бай Сяньчэнь открыл глаза. Он медленно приподнялся, достал «проспавший» несколько дней компас фэншуй и принудительно его пробудил.

Лопань вытянул две механические лапки, давая понять, что включился.

Почуввав беспокойство хозяина, артефакт подполз поближе и потерял об его одежду.

— Он не из тех, кто помогает по доброте душевной, он явно понял, что со мной что-то не так, — серьезно произнес Бай Сяньчэнь. — То, что он принес меня сюда, — чистой воды проверка. Если бы я по пути проявил хоть тень агрессии, он бы меня на месте заморозил. Непонятно только, сколько он разгадал. Пока он лишь проверяет меня и не нападает... Чего он добивается?

Лопань, выслушав эти очевидные для него рассуждения, уже хотел спрятать лапки и продолжить сон, но Бай Сяньчэнь снова его встряхнул:

— Завтра, как только ноги оживут, делаем ноги. Плевать на те две сотни призрачных кристаллов, жизнь дороже. Ты не представляешь — десять лет назад я запер его и заставил любить меня насильно. Он сильно растерял в силах, и, если я не ошибаюсь, до сих пор не восстановился полностью.

В те времена, когда Се Уцзю был у него в плену, он напоминал кусок льда. Сначала он сам намеренно понижал температуру тела, чтобы не подпускать к себе Бай Сяньчэня, но потом это стало следствием истощения — он просто не мог регулировать тепло.

Перед смертью Бай Сяньчэнь не придавал этому значения, думая, что такой могущественный мастер быстро поправится вдали от него.

Но вспоминая их последние встречи, Бай Сяньчэнь понял, что контроль над температурой к Се Уцзю так и не вернулся. Если эта скотина не морозит его намеренно, значит, старые раны еще дают о себе знать.

Оба раза, когда он оказывался в объятиях Се Уцзю, тот был ледяным...

Бай Сяньчэню становилось всё страшнее:

— Тогда он был невероятно силен, но он боится огня. Чтобы он не сбежал, я опалил его запястья истинным пламенем, а кандалы закалил в огне — поэтому он и не мог вырваться до самой моей смерти. Ума не приложу, почему после всего он не отомстил мне, а проводил в Царство Мёртвых. Может, решил не связываться с мертвецом, а может, он просто по натуре такой тюфяк... Эй, скажи, он ведь хочет мне отомстить, да? Но вел он себя так холодно, будто я для него пустое место. Не похоже на месть. Так понял он, кто я, или нет?

Для компаса фэншуй эта история была в новинку. Его забрала Система сразу после провала миссии Бай Сяньчэня, и он вернулся к хозяину только после перерождения.

Артефакт не знал всех подробностей «героических» свершений Бай Сяньчэня. Он знал лишь, что между учителем и учеником есть обида, но чтобы такая!

«Ого! Что ж ты раньше не сказал!»

Узнав правду, Лопань понял, что ситуация куда серьезнее, чем он думал. Он выставил большой палец вверх и, не дожидаясь дальнейшей болтовни, прыгнул на пол, намереваясь удрать первым.

Бай Сяньчэнь ловко его перехватил:

— В любом случае, он точно знает, что со мной что-то не то, но вряд ли догадался, кто я на самом деле. В его глазах я, небось, вроде банного листа — он ни за что не позволит мне снова к нему прилипнуть. Если бы он узнал меня, точно бы не потащил на руках сегодня.

Лопань отчаянно замахал механическими лапками.

Но Бай Сяньчэнь уже убедил сам себя:

— Ладно, можем и не бежать. Раз он еще ничего не сделал, а только присматривается, значит, я не так уж сильно прокололся! К тому же я здесь за делом, вредить никому не собираюсь. И он не из тех, кто убивает безвинных... хоть я и не совсем безвинен. Понаблюдаем еще. Да, две сотни призрачных кристаллов – это куча денег, после такого дела можно полгода отдыхать. Раз уж пришел – работаем!

Лопань окончательно пал духом, видя, как хозяин сам себя уговорил остаться.

«А как же „жизнь дороже“?!»

Артефакт начал неистово крутиться, раз десять указав на гексаграмму «великого несчастья».

Бай Сяньчэню надоел этот шум, и он снова засомневался:

— В любом случае, сегодня мы точно не уйдем. Твой младший братец еще не вернулся, не можем же мы его бросить.

Ледяная Красавица пропадала днями напролет, неизвестно где бродя, но судя по тому, что возвращалась она бодрой, Бай Сяньчэнь за нее не переживал, лишь наказал раз в два дня заходить отмечаться.

Вчера Красавица была на месте, значит, сегодня вряд ли придет.

— Подождем твоего брата. — Бай Сяньчэнь ткнул пальцем в компас.

Тот продолжал бешено размахивать лапками.

Бай Сяньчэнь сжал его лапку, отвернулся и накрылся с головой:

— Спокойной ночи.

В этот миг Лопань проклинал себя за то, что раньше слишком часто разыгрывал хозяина, из-за чего теперь его предупреждения воспринимались как ложная тревога.

Артефакт изо всех сил создавал грохот.

«Я и правда раньше много тебя подставлял ради забавы, дорогуша! И то, что ты вытащил Се Уцзю из иллюзорного мира, — мой косяк! Но сейчас, дорогуша, я клянусь, я не пытаюсь тебя надуть! Проснись, не спи! Твой „младший братец“ — Ледяная Красавица — это и есть Се Уцзю! Он давно тебя раскусил! Знай я про ваше прошлое, в жизни бы тебя сюда не пустил! Вставай, бежим, дорогуша! Скоро будет поздно!»

После череды звонких «дзынь» и «бум» Бай Сяньчэнь приоткрыл один глаз и запустил в компас подушкой:

— Хватит шуметь! Я ходить не могу. Твой брат сегодня вряд ли вернется, но ты всё равно доползи до двери и оставь щелку, не забудь. И потише там! Я сплю.

«Ну и семейка – во всём потакают младшему! Почему старший брат на старости лет должен корячиться и открывать дверь мелкому, у того что, своих рук-ног нет? И почему никто не видит

его истинное лицо? Какой же он притворщик! Забирайте его кто хотите...»

Лопань поворчал немного, подумал и, решив оставить попытки достучаться до хозяина, приоткрыл дверь и решил сам разведать обстановку.

С чего это только «младшему» можно гулять где вздумается? Хм!

<http://bllate.org/book/19453/1908649>